

Об одном предсказании Ванги, или попробуем расширить меру нашего понимания

Евгений Наклеушев*

Подлинная новизна скандальна и неудобна,
для большинства уж точно.

Ольга Балла

В 1980 г. Ванга предсказала: «В августе 1999 или 2000 года Курск окажется под водой, и весь мир будет его оплакивать».

Никто из людей серьезных ей, понятно, не поверил. Курск находится в сотнях километров от морей и не на одну сотню метров выше уровня моря. Какой чудовищный катаклизм мог бы затопить такой город?! И если бы катаклизм такой все-таки стряся, в нем, надо полагать, пострадали бы и города, куда более значительные, и не Курск поминал бы весь мир в первую очередь.

В августе 2000 г. затонула подводная лодка «Курск», погибли долгой и страшной смертью люди (причем, независимо от того, можно или нельзя было их спасти, несомненно, что помпезно понятый «престиж» страны и флота — или шкурные соображения начальства, или то и другое вместе — с самого начала катастрофы решительно возобладали над заботами о спасении людей), и на весь мир это в самом деле произвело самое грустное впечатление. А что до разницы между Курском и «Курском», вовсе не новость, что и самые верные предсказания издревле часто бывали темны не только для тех, кто им внимал, но и для самих предсказателей. И Ванга не была в том исключением.

25 августа того же года «Комсомольская правда» опубликовала статью о предсказании Ванги, стремясь обозначить некоторые уроки «Курска», — «разумеется, — как скромно писала редакция — *в меру собственного понимания*». И в паре с той статьей, как требуют приличия в изданиях, не подпадающих под рубрику желтой прессы, — ученый комментарий психолога: «Мистика — это прививка от стресса?» Надо сказать, что знак вопроса в том заголовке был только данью формальной вежливости: автору, ученой даме, все было совершенно ясно: «надо жить в той реальности, которая нам дана». В том смысле, что означенная реальность настолько хорошо и *всеобъемлюще* понятна ученой даме, что мистика допустима в ней исключительно для поддержки слабых душ, которые, в отличие от мужественной ученой дамы, со стрессами этой реальности иначе не справляются.

Таким образом, расширять нашу меру понимания мира в связи с замечательным предсказанием Ванги вроде бы и «не понадобилось».

*E-mail: emn42@yandex.ru

В том, что здравый ум стремится видеть реальность, как она есть, спорить не приходится. Не совсем понятно только, а *какая* она, эта реальность, на самом деле? Автор этих строк, допустим, непонятлив, но вот, и Альберт Эйнштейн, величайший физик 20 века, «века физики», это тоже не понял — и очень тем мучился. Почитайте его автобиографию, написанную незадолго до смерти, — вас поразит интонация автора, явно ощущающего себя *неудачником* в главном деле своей жизни — познании, измученного сомнениями и не уверенного до конца *ни в чем!* А ведь это был самый знаменитый при жизни ученый в истории науки, всеми обласканный любимец публики.

Может быть, понятливей его был Нильс Бор, второй, а, может быть, все-таки первый (непросто расставить великих ученых в шеренгу) физик того же века? Он был признанным главой международного союза виднейших физиков, построивших самую парадоксальную теорию всех времен — квантовую механику, категорически не укладывающуюся в лоно формальной логики (см. принцип дополнительности Бора), и тем не менее единственную, ориентирующую нас в том удивительном, что происходит в микромире. Уж, такой-то почтенный ученый знал, надо быть, в какой реальности мы живем?

Бор очень любил находить на прогулках подковы, и прибывал их к дверям своего дома, памятуя древнее поверье, что подковы приносят удачу. «Неужели вы — ученый! — верите в такую чепуху?!» — строго спросил его кто-то. «Ну, что вы, конечно, нет!» — ответил Бор. И прибавил: «Только, знаете, я заметил, что, если не веришь, они все равно помогают.»

«*Слабая душа!*» — в глазах нашей мужественной ученой дамы. А, может быть, не зашоренный собственной наукой *мудрец?*

Давайте посмотрим, как начиналась и шла трудная стезя человеческого познания («Отыщи всему начало — и ты многое поймешь!» — советовал премудрый Козьма Прутков). В предначале ее был, разумеется, совсем не рассуждающий инстинкт (но, вот что странно! — поразительно эффективный в ориентации самого сложного поведения животных — например, жук-листорез разрезает, чтобы завернуть свои яйца, лист так, что «решает» при этом задачу высшей математики!) Потом наш незадачливый вид, столкнувшись с недостаточностью, слабостью и противоречивостью собственных инстинктов, вынужден был начать конструировать *на той же практически базе инстинктивных архетипов* поразительно опять таки стройное здание мифа — вовсе не произвольно причудливого, как вообразили в 18 веке скородумы-просветители (и продолжает считать доселе широкая публика), но и теперь — в преобразованных лишь по внешности формах — направляющего общее движение наших наук и философий (как и искусства, моды, рекламы и всех без исключения составляющих культуры от самых глубоких до самых поверхностных) и продолжающего подспудно жить и развиваться в современном сознании, включая сознание самых скептических ученых. Миф разнится в иных — даже принципиальных — догматах мировых религий, обуславливая яркое своеобразие великих культур. Его можно и должно всевозможными способами рафинировать и изоцирять, — но миф *невозможно отринуть* — как почву у нас под ногами. Это было показано в 60-х годах на колоссальном материале различных культур структуралистами Леви-Стросом, Бартом, Деррида, Фуко и другими — и при всех последовавших критических оговорках никем в принципе не опровергнуто.

Среди архетипов нашего подсознания вечно живет и образ прорицателя — и самый

прожженный «скептик», столкнувшись с жизненно важной задачей, пути решения коей ему беспросветно темны, засунет свой скепсис куда следует (вы правильно угадали, куда), и с радостью ухватится, если найдет, за такого человека, как Ванга, — если его скепсис не достиг уже степени крайней психической аномалии. К прорицателям обращались и коммунистические вожди (Ленин — не исключение!), коим это было по канонам их идеологии «категорически не положено!».

Откуда же в таком случае возникла железная убежденность обывателя (включая самого многоученого), что наука и миф рисуют, ну, совсем уж непримиримые картины мира? Послушаемся еще раз незабвенного Козьму, и вернемся к тому, как это все началось. В начале систематической организации нашего познания был, повторимся, миф — и миф знал *«все»!* Очередной ступенькой мифа стали священные писания мировых религий — и снова люди твердо верили, что писание их веры знает о всех мирах *все*, что можно знать человеку, — нужна лишь достаточная мудрость и твердая вера, на ней основанная, чтобы это *все* расшифровать. Как написал почти тысячу лет назад классический поэт в «золотом веке» культуры Китая:

В Китае жил большой мудрец.
Лоян его отчизне дал.
Где правда кроется, где ложь,
он с юных лет уже познал.
Чего бы ни коснулась речь,
был он в суждениях умен.
И если верил, то вовек
не мог утратить веры он. . .

Но ученые, изошрившись на путях познания (направляемых, напомним, мифом родных им культур) обнаружили со временем в сообщаемых мифом сведениях все больше и больше трещин и прямо ложных толкований (иногда, как убеждались на новых этапах науки их последователи, мнимых, — иногда совершенно неоспоримых), и, когда им удалось отстоять от инквизиций право исследовать мир собственными методами, обыватель, начавший к тому времени к ним прислушиваться, но вовсе не понимавший, как они это делают, вообразил, что «священный текст» отныне — наука, и что наука, раз она так уверенно критикует миф, сама знает *«все»*. Самое странное — что в это уверовало со временем и определяющее большинство ученых (может быть, потому, что, когда наука стала с одной стороны достаточно престижной, а с другой накопила множество стандартных методик, которые мог освоить и усердный обыватель, обыватель валом хлынул в науку, продвигавшуюся прежде мудрецами-одиночками).

Но наука — *принципиально открытая* система (в отличие от *замкнутого* в принципиальных чертах мифа), и в этом смысле *абсолютно чужда священному*. Настоящий ученый *всегда* (или *почти* всегда — ведь и он всего лишь человек с неизбежно присущими человеку дорогими ему предрассудками) готов поступить, как мой любимый поэт-умник Игорь Губерман:

Клянусь компотом детства моего
и старческими грелками клянусь,
что я не испугаюсь ничего,
случайно если истины коснусь.

А что до «*всего*», на какое, к лешему, «*все*» может претендовать так устроенная система — в умах тех ее адептов, что ясно понимают, что они делают?! Еще во времена Возрождения был сформулирован принцип «ученого незнания»: чем больше постигает настоящий ученый, тем шире раскрывается в его сознании поле того, чего он не знает категорически!

Но... Но, как же быть тогда с мифом, который потому и способен направлять познание человека, включая ученого, — познание, которое взорвалось бы иначе в хаос под ударами неисчислимых пестрых фактов, — что в каком-то темном смысле миф знает таки в принципе некое интегральное «*все*»?! Еще Ньютон поражался, как удастся познание, если любой сумме фактов можно приискать практически бесчисленное множество правдоподобных объяснений? Существует такая удивительная вещь как голография. Если у голографического снимка оторвать кусок, он восстановит изображение своей физически утраченной части, — хотя тем расплывчатей, чем больше будет оторвано. Так вот, автор думает, что миф — это более или менее совершенная модель спрятанной где-то в коллективном бессознательном человечества голографии целого мира, даже и с потусторонней его частью.

Но страшно далека изощренная в *аналитических деталях* наука от построения хотя бы самой грубо приближительной модели этой голографической *целостности*.

Расскажем два анекдота из истории науки, дабы поймать разом двух зайцев: взбодрить усталое внимание читателя — и доказать ему справедливость выше приведенных, возможно, крайне неприятных ему соображений.

Когда Лаплас преподнес Наполеону свой эпохальный труд по небесной механике (где была наконец объяснена устойчивость планетарных орбит, чего не удалось Ньютону в силу несовершенства его математического аппарата, в результате чего великий физик вынужден был выступить как самостийный теолог, «заставив» Творца регулярно подправлять орбиты), Наполеон удивился, почему в столь обстоятельном сочинении ни разу не упомянуто имя Божье? «Господин первый консул, — тонко улыбнулся Лаплас, — мне *не понадобилась* эта гипотеза.» Этот анекдот был весьма популярен в нашей стране в годы официального атеизма, так как казался отечественным атеистам — по причине их убогого умственного уровня — убийственно антирелигиозным. Между тем скепсис Лапласа — весьма заурядный по нашим временам скепсис специалиста, коего принуждают высказываться по вопросу, совершенно для него чуждому, — не только ничего не доказывает, но и не собирается что-либо доказать. Совершенно так же, заметьте, Лапласу не нужна была — не засунуть ни в одно уравнение! — и гипотеза атеистическая.

Второй анекдот демонстрирует неголографичность научного знания еще очевиднее.

Рассказывают, что когда один выдающийся математик пытался растолковать только что открытую им теорему обучавшемуся у него юному маркизу, тот старался, как мог, но никак не мог его понять. «Маркиз, — взмолился наконец измученный математик, — честное слово! — эта теорема доказывается.» На что маркиз с величайшим облегчением откликнулся: «Шевалье, что же вы сразу-то мне не сказали? Разумеется, я поверил бы слову дворянина!» Соль этого милого анекдота в том, что простодушный маркиз, будучи воспитан в чинном и строгом этическом кодексе феодального общества, не мог вообразить, что такая солидная наука как математика несоотносима со священной для него идеей дворянской чести. Вопрос, существует такая честь, или нет, совершенно вне ее сферы, и выталкивается из нее, как для нее мнимый. Что, конечно, ровно ничего

не доказывает в собственном статусе так выталкиваемой идеи. Из достоверных исторических источников мы точно знаем, что дворянская честь таки существовала. И была главным жизненным нервом этого сословия.

Показательна однако однотипность недоразумения, вследствие коего наши суровые атеисты ухватились за предательски беспартийный анекдот о Лапласе, а юный маркиз вообразил, что математическая теорема могла быть доказана словом дворянина. Дело в том, что, одинаково ничего не смысля в духе науки, и тот, и другие исходили из *естественного* для всякого не искушенного научными занятиями человека убеждения в *единстве* (голографическом, как мы его истолковали) всех частей истинного знания. Убеждения, коренящегося в самой инстинктивной нашей природе. Убеждения, подсознательно направляющего и мысль любого ученого, — а если на поверхности ее лапласам «не нужны гипотезы» ни Божьего бытия, ни небытия, так это говорит не о зрелой мудрости науки, а о ее тощей подростковой шизофрении. Не о гордой свободе ее мысли, а об ее инфантильной анархии. Но, на шизофрении и анархии далеко не уедешь. И вот за века до того, как наука созрела для того, чтобы стать пусть самой грубой моделью объективной голографии целокупного бытия, она взялась совершить этот подвиг — и как ни странно! — с *блистательным* промежуточным успехом. Как восторженно написал в начале 18 века Поуп:

Глубокой тьмой был этот мир окутан.
Да будет свет! — И вот, явился Ньютон!

(В английском оригинале это сказано еще сильнее: «Бог сказал: „Да будет Ньютон!“ — и все озарилось!» То есть Ньютон и был Божий свет!)

Классическая механика явилась первой систематической наукой об объективном мире. (Математика, та с первых шагов так воспаряет в выси абстракций, что еще древние спорили, описывает ли она объективный мир — или только свободный полет идеальной мысли, слишком чистой, чтобы отражать мир грубой материи, — и совершенно на том же уровне спорят о том же современные философы и ученые. Автор предложил бы дерзкое решение этой проблемы: чистая математика описывает *чисто идеальный* мир — и *именно поэтому* позволяет нам эффективно ориентироваться в вещах и процессах материального мира, самого в себе совершенно не достаточного, и неспособного до конца кристаллизовать в себе математически строгие законы — но к ним *тянувшегося, оглядываясь на идеальный мир* — и лишь благодаря этому не взрывающегося в беззаконный хаос. Совершенно аналогично, невозможно более или менее *творчески* решать проблемы дольного мира, не оглядываясь на мир горний. И коммунизм и фашизм, попытавшись отринуть идеалистические «довески», как «ненужные» и «прямо вредные» в нашем мире гири и путы, развили было поначалу бешеную энергию, устрашившую мир, но тем быстрее и бесславней самоликвидировались. Ныне точно то же, лишь медленней в силу неосознанности, происходит на «демократическом» — более на словах и по инерции — и де-факто практически нацело обезбоженном Западе, готовом опрокинуться поэтому от первого серьезного толчка истории.)

Классическая механика построила первую в истории знания — после священных писаний — *связную и стройную* систему представлений о причинности, пространстве, времени и материи — и пыталась даже, особенно в лице своего создателя Ньютона (и

должна была пытаться, раз претендовала охватить *все*), ориентировать нас и в познании Бога, — но практически немедля в том провалилась. И не провалиться не могла, ибо слишком рано попыталась взвалить на свои детские плечи задачу сверхбогатыря Атласа поддерживать небесный свод.

Но, более двух веков промежуточный успех классической физики воспринимался образованными людьми, за исключением горсти едких скептиков, как *абсолютный*: ведь в рамках ее решили — и до сих пор продолжают решать! — множество самых головоломных задач! Опираясь на нее, прикладные науки и техника чудесно преобразовали наш мир, где прежде подавляющее большинство людей трудились от зари до зари, продолжая однако ж жить в крошечной нищете! Воистину, как сказал один историк науки: «День рождения Ньютона — это праздник Рождества нашего Нового времени!» И все новые науки, рождаясь, строились на базе столь блестяще апробированного механистического представления о причинности — включая науки об обществе, истории, жизни и о самой душе человека, где, казалось бы, механицизм должен был бы немедленно обнаружить свою роковую несостоятельность.

Но — прямо напротив! — французские «просветители», и первый Вольтер, с превеликим энтузиазмом принялись растолковывать соотечественникам — и всей просвещенной Европе и Америке — все «великое освобождающее» общество и личное значение идей Ньютона (как должен был ворочаться в гробу несчастный Ньютон!) — и вдохновленные ими революционеры для начала залили кровью — на самых «*научных основаниях*» — прекрасную Францию, а затем — в наполеоновских походах — и целую Европу.

И явился почти столь же механистически «*научный*» марксизм (при всех его реверансах в сторону утонченной *диалектики* — так или иначе по определению не сочетающейся с определяющим в нем дубовым *монизмом*) — а за ним и совсем уже механистически бодрый ленинизм, очень хваливший многие самые бредовые «открытия» «просветителей» (так их примитивнейшие атеистические опусы, устаревшие прежде, чем их отдали в печать, Ильич объявил «лучшим» из всего, что написано в этой области) . . .

И явился дарвинизм, якобы «*целиком научно*» объяснивший эволюцию видов как «*результат борьбы за существование*» (уже в 4 веке до новой эры поняли бесприммерно трезвые китайцы: «Когда армия применяет средства, которых противник устыдился бы, — она непременно оказывается в выигрыше!»; в живой природе, увы, больше, чем нужно, борьбы за существование, в которой, как знают все люди трезвые, «где тонко, там и рвется», а раз так, несомненный факт ожесточеннейшей борьбы за существование до предела заостряет вопрос, почему — *вопреки* этой зверской борьбе! — миллионы видов *эволюционировали — а не деградировали!* — в миллиардах лет?!) — и его законное порождение — социал-дарвинизм, достойная предтеча коммунизма и фашизма. Опираясь на его «*строго научные*» идеи бравые фабриканты подвергли в 19 веке рабочий класс христианской — номинально с тех пор — Европы такой бешеной эксплуатации, какой не видел мир со времен падения древних деспотий Востока.

И явился «*чарующе научный*» фрейдизм, чье сатанински опустошающее влияние на души и умы западных европейцев и американцев невозможно донести до тех, кто не жил бок о бок с ними долгие годы. . .

Но все эти прыткие, якобы «*солидно научные*», прибабахи казались добрым просвещенным людям происходящими от поспешно *односторонних* приложений, легкомысленно извращающих такую-де научную, такую солидную и стройную! — куда там

священным писаниям! — ньютонову систему представлений о механистической причинности, — все, что угодно, способной-де разъяснить в нашем мире самым точным и исчерпывающим образом!

И мало кто понял все мировоззренческое значение происшедших в 20 веке революций в физике. Ибо, как продолжил спустя два века восторженное двустипие Поупа поэт:

Но сатана недолго ждал реванша:

Пришел Эйнштейн — и стало все, как раньше!

Ибо революции теории относительности, квантовой механики (и совсем уже камерная, но отнюдь не менее от того значительная, революция теории элементарных частиц) явились грандиозными прорывами познания — *вбок!* Вбок, а не «вперед», потому, что стройная в собственных пределах ньютонова концепция причинности и материального мира разлетелась в этих революциях практически вдребезги — не будучи заменена *ничем*, хотя бы отдаленно приближающимся к ней степенью связности и стройности. Совершенно непонятно, например, в теории относительности сочетание *относительности* всех досветовых скоростей — и *абсолютности* скорости света. Это сочетание в теории *работает* — и не имеет иных обоснований. Совершенно непонятно, как сочетаются квантовая механика — и теория относительности. Их удается состыковать на уровне математического аппарата — это верно — чтобы заставить работать на объяснение конкретных эффектов. Но теории эти опираются на *совершенно своеобразные философские* предпосылки (физики ведь тоже создают свои концепции, пытаются *осмыслить* физические явления, а не сводят все к математическим расчетам, как казенные бухгалтеры, коим плевать, чьи именно чужие деньги они считают) — и эти философии *не стыкуются в принципе!* От «*солидной*» науки, традиционно являвшей аналог священного писания, претендующий изъяснить рано или поздно в мире его целокупное *все*, в современной физике не осталось практически *ничего*, кроме инстинктивной веры, что единство физической картины мира будет когда-нибудь восстановлено, по-видимому с построением единой теории поля. И вот, почему чувствовал себя неудачником великий революционер познания Эйнштейн. (И, вероятно, по той же причине не смущался верить, *на всякий случай*, в приносимую подковами удачу другой великий революционер мысли Бор, говаривавший: «Не подлежит сомнению, что перед нами безумная теория. Вопрос лишь в том, *достаточно ли она безумна, чтобы быть верной?*»)

Но, удивительным образом, вероятно, потому, что «формулы стали умнее физиков», физики далеко не осознали в своем определяющем большинстве все мировоззренческое значение происшедшей в их науке катастрофы. Тем более продолжают жить в прежнем «светлом и стройном» мире ньютоновой причинности прочие ученые. А потому судят — уверенно и строго — что в этом мире «может быть», а чего категорически «не может быть, потому что этого не может быть никогда» — в прозрачном свете означенной причинности. (Автор однажды попытался растолковать своему преподавателю на семинаре по философским вопросам естествознания, что физика, да и все знание, не делится, как чиновное ведомство, на отдельные департаменты, и от далеко идущих выводов из ее революций не укрыться *никуда* — и едва не вылетел с философского факультета: спасло отсутствие свидетелей — прочие студенты сочли утомительный семинар уже закончившимся, и не вслушивались.) Академик Китайгородский опубликовал в 60-х годах

книжку «Реникса», где громил с уверенностью и самодовольством истинно «солидного» ученого (то есть в контексте нашей эпохи — бронтозавра) все, что не могло влезть в ту простую и стройную причинность.

Но — зачем углубляться в историю? — упомянутая в начале статьи ученая дама, психолог, разъяснила нам совсем недавно (и когда бы она одна, и когда бы последней!), что «надо жить в той реальности, которая нам дана» — то есть в «суровом и ясном», как судьба сталинской империи, ньютоновом мире. А Ванга по невежеству и наглости своих жила в реальности *совершенно другой*...

Но, что это автор зудит да зудит насчет механистической причинности, ни словом не изъясняя, с чем ее такую едят? А ключ к ней — понимание связи событий как чисто *пассивной*, ибо, как провозгласил еще до рождения Ньютона упрямый Галилей, в физике имеются-де только причины *начальные* (типа бильярдный шар А ударяет шар В, который начинает вслед за тем двигаться в строгом соответствии с сообщенным ему ударом количеством движения) — и никаких, упаси Боже, причин *конечных*, то есть *целей*, на коих настаивал по наивности своей в физике донаучный Аристотель. То есть механистическая концепция причинности рисует мир начисто лишенным способности к *самоорганизации*, то есть не только *абсолютно мертвым*, но и не способным породить жизнь ни при каких условиях! Между тем в последние десятилетия способность к *самоорганизации* систем стала очевидной исследователям на *всех* уровнях материи. Мир оказался таким образом — в означенном смысле — *целиком живым*, хотя мы отнюдь не осмыслили всех далеко идущих следствий из этого.

С концепцией абсолютно мертвого физического мира неразрывно связано в механицизме понимание материи, пространства и времени как целиком взаимно обособленных. Материя четко делится внутри себя на стоящие наособь «атомы» (автор писал в статье «Об „атомах“ и „индивидах“» о роковых для понимания общества и личности выводах, которые сделал в свое время из этой, якобы «совершенной обособленности» слагающих материю частиц Запад, а потом и целый вестернизированный мир), каковые пребывают в пространстве и времени, как штучный товар в своего рода ящиках, — и последние, понятно, допустимо представить и совершенно пустыми от них. Вот почему, когда Эйнштейна спросили, как наикратко высветить главное отличие теории относительности от классической механики, — он ответил: «Если в мысленном опыте уничтожить всю материю, то, по Ньютону, пространство и время останутся, а в теории относительности пространство и время тоже исчезнут.»

И, разумеется, в мертвом и всеразъединенном мире ньютоновой причинности *будущего абсолютно нет* — пока оно не стало настоящим (хотя с какой стати становится солидным настоящим тому, чего *абсолютно нет*?! — вам не кажется это фантастикой пьяней и самой экзальтированной мистики?). А раз его растакого нет — то кто же тогда Ванга, чтобы получать из него информацию? А, ежу ясно, — шарлатанка и прохиндейка! — и почему не посадили ее в тюрьму наши верные болгарские товарищи?!

А верные товарищи и посадили бы это ни в какую не лезущее в материализм безобразие, да уж больно поднимала Ванга в мире престиж маленькой, бедной и непрезентабельной в общем коммунистической Болгарии (да и денежки, включая валюту, день за днем текли от ее посетителей в казну вполне материальные — и не в пример побольше, чем от самого идейного передовика производства!) Но деньги деньгами, а порядок в тоталитарной стране есть порядок! — и сама жизнь терпима только в пределах, допусти-

мых порядком! — и вот, феномен Ванги поручили проверить исследователям — понятно, идейно надежным. И опрос семи тысяч ее посетителей показал, что в «70%» случаев предсказания Ванги *вполне очевидно сбылись*. А сколько «не сбылись» потому, что не пришло их время? А сколько не были поняты клиентами и исследователями, если сама Ванга нередко их не понимала? А сколько было таких, о которых не стоило откровенничать со строгими партийными товарищами? А сколько...? — зная жизнь, продолжите и сами. Как все это вычислить?

В другой серии исследований коэффициент достоверности предсказаний Ванги оценили немного выше — в «0,716» (1 значил бы их абсолютную достоверность, 0 — полную ложность, то есть речь шла здесь о «71,6%»). Для сравнения, тогда же исследовали предсказания двух опытных гадалок. Их коэффициенты оказались 0,260 и 0,230. При этом Ванга видела и прошлое и будущее в удивительных по точности и неожиданности деталях, часто не сразу — для прошлого — понятных самому клиенту (это свидетельствовал автору посетивший Вангу известный психолог и психиатр Владимир Леви), и тем более часто непонятных ей самой — для будущего. Ах, — говорит наша ученая дама, психолог, — и Ванга ошибалась! Ну, уж это, простите, аргумент вовсе детский! А кто не ошибался? Назовите одно имя! «Един Бог без греха!» — гласил старинный русский религиозный стих. Что до Ньютона, Эйнштейна и Бора, те ошибались — и еще как иной раз крупно ошибались!... «Не ошибаются» в науке — как и в чем угодно — только самые хитрые шарлатаны.

А если вы спросите, каким же все-таки образом Ванга ухитрялась делать такое, «*чего не может быть никогда*», то, повторимся, вопрос этот правомерен только в системе ньютоновых представлений о причинности в мертвом мире, где нет *конечных* причин-целей, и события связаны *только* от прошлого к настоящему, а будущего и вовсе «нет». Но, мы начинаем теперь понимать, что конечные причины таки существуют, что все в мире ставит перед собой по своему «цели», что мир целиком «жив» и всесвязан, включая взаимную связь настоящего, прошлого и будущего как парадоксальной *целостной* (то есть *неделимой* в определенном смысле) системы, так что причинность с необходимостью следует не только от прошлого к настоящему, но и от будущего к нему же. И, значит, будущее каким-то, пусть далеко еще не ясным нам, образом очень и очень *уже есть!* (То, что будущее *уже есть*, неожиданно подтверждает принцип наименьшего действия Мопертюи, сформулированный еще в 1740 г. в лоне классической механики. В соответствие с этим принципом любое спонтанно происходящее физическое движение «*выбирает*» такой путь, где его действие будет абсолютно минимальным. Допустим, в помещении с крепкими стенами и единственным окном гремит взрыв. Куда устремится главным образом взрывная волна? Правильно, в окно. И, заметьте, волна ни мгновение *не разведывает*, как бы это ей пойти, чтоб натворить поменьше, — в таком случае ее действие не было бы *абсолютно* минимальным. Нет, она *сразу знает*, как ей распространяться. А что если попытаться ее надуть? Возьмем, да и загородим то окно через мгновение *после* начала взрыва крепким бортом бронетранспортера, так что самое податливое превратится в самое труднопреодолимое! А ничегошеньки не выйдет! Взрывная волна с первого же мгновения своего распространения «учитывает» любые «неожиданности» будущего! То есть ведет себя как абсолютный провидец, для которого отличия будущего от настоящего просто нет!) А раз так, почему не могут некоторые люди регулярно получать идущую из будущего информацию? То, что степень досто-

верности предсказаний Ванги не лезла ни в какие ворота теории случайных совпадений, признали и твердокаменные болгарские товарищи, всем обязанные своим строгим патронам в СССР.

Но, хотя система ньютонова мировидения распалась в самой физике, она упорно продолжает жить в «солидных» науках, на ней основанных (больше-то не на чем! — у физиков есть хоть их математика, и можно уцепиться за формулы, которые — слава Тебе, Господи! — «стали умнее физиков» в 20 веке, — а за что цепляться биологам, историкам, социологам и тем же психологам? А получать зарплату-то хочется, а диссертации защищать-то нужно, — и кто же скажет, что король-то без малого сто лет уже — совершенно, простите, голый?! Да разорвут его в клочья! Хорошо, что автор не претендует ни на защиту диссертаций, ни зарплату от наук, слава Богу, не получает.) В этих «солидных» науках, ох, как непросто отличить (а отличив, кому же докажешь?!), где тут кочки «гениальных» — как у древних — *догадок*, а где сплошная гиблая тряпина? В свое время Аристотель авторитетно утверждал (противно будущему принципу инерции), что движение происходит *только* под воздействием сил — и, если, например, выпущенная из лука стрела летит себе дальше, так это толкает-де ее сзади воздух, который она расталкивает спереди! И такую фантастическую чепуху говорил самый многоученный и *трезвый* мыслитель античности! И соответственно с ней строил свою физику. Сколько подобной — совершенно неизбежной! — чепухи в современных «солидных» науках, чьи выводы добыты по необходимости *вприглядку*, то есть в лучшем случае с помощью тех же «гениальных догадок», но много чаще на основе «здорового смысла», более всего развитого (Толстой — свидетель) у посредственности, а, главное, с неизбежной интегральной «опорой» на абсолютно не пригодную в оных науках систему воззрений механистической причинности?! (И не говорите о «*строго опытном* — или *строго фактическом* — характере» некоторых частей этого знания — вне системы адекватного осмысления «опыты» и «факты» так же ничего не стоят — кроме как для любителей-коллекционеров — как бумажные деньги упраздненных государств.) Этого никто не знает — и знать не может! Но, например, великий Резерфорд — и не он один! — говаривал, что существует одна единственная наука — физика. Все остальное — «коллекционирование бабочек»!

Так на что надеяться тем, кто может повторить от себя клятву-четверостишие Губермана?

Немецкий философ Карл Ясперс писал об «осевой эпохе» 8–2 веков до нашей эры, когда от Китая и Индии до Израиля и Греции мышление человека неожиданно поднялось на резко высший уровень, не превзойденный донныне (в самом деле, читая защитную речь Сократа на суде, как донес ее нам Платон, узнаешь, как родную, каждую интонацию, словно говорит с тобой самый умный и милый друг, какого можно найти и теперь на Земле, — а иного соседа по лестничной площадке понимаешь не более, чем первобытного людоеда. . .) Мы должны будем — и все больше людей это ясно чувствуют — войти в самые ближайшие десятилетия — если не годы — в новую осевую эпоху, иначе человечество неизбежно погибнет, истребив себя само в своем все растущем — и подпираемом в частности «солидными» науками — безумии. . .

И тогда то, что делала Ванга, станет *целиком созвучным науке*. В противоположность цитированному комментарию ее деятельности строгой ученой дамы, психолога.